

Яновская В.В., Восович С.М.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА В БЕЛАРУСИ В 60 – Е ГГ. XIX В. – 1914 Г.

Внутренняя политика российского императора Александра II оказала довольно сильное влияние на развитие духовной школы. 14 мая 1867 г. были утверждены новые уставы духовных училищ и семинарий, которые и определили основные направления реформы [1; 2]. Согласно новым уставам главной задачей духовных учебных заведений, как и раньше, была подготовка юношей для служения православной церкви. Но теперь эти учебные заведения стали вссословными, поступить в них могли выходцы со всех сословий православного исповедания.

Что же изменилось в учебном процессе и организации духовных учебных заведений с введением в действие новых уставов? Во-первых, в семинариях вводился шестиклассный курс обучения. Продолжительность обучения в каждом классе составляла 1 год. Во-вторых, изменения затронули учебную программу: из семинарского курса исключалось 10 учебных дисциплин (естественная история, сельское хозяйство, медицина, православное исповедание, учение о богослужебных книгах, герменевтика, библейская история, патристика, обличительное богословие, учение о русском расколе); взамен вводились: обзор философских учений, педагогика и один из новых языков. Теоретический курс словесности был дополнен курсом истории русской литературы. Произошли перемены и в распределении учебного времени между дисциплинами. Среди общеобразовательных предметов сокращалось учебное время на изучение словесности и гражданской истории; больше внимания стало уделяться математике, физике, философским дисциплинам. Увеличилось время на изучение богословских дисциплин.

В духовных училищах вместо шестилетнего срока обучения вводился четырехлетний. Из учебной программы исключались объяснение Евангелий и апостолов, русская история. Сокращалось время изучения всех учебных дисциплин.

Вводилось строгое разграничение курса общеобразовательных и богословских предметов, за исключением Св. Писания, которое изучалось как в духовном училище, так и во всех классах семинарии. Все эти изменения преследовали цель: приблизить содержание духовного образования к светскому. Образовательный уровень, который давало духовное училище совместно с четырьмя низшими классами семинарии, соответствовал общеобразовательному курсу среднего учебного заведения. При этом как в духовных училищах, так и в семинариях, уделялось довольно много внимания изучению классических языков. Что давало возможность воспитанникам учебных заведений духовного ведомства при желании продолжать учёбу в светских учебных заведениях.

Устав 1867 г. внёс изменения и в административное устройство семинарий и училищ. Они подчинялись непосредственно епархиальным архиереям. В то же время были предприняты попытки оградить семинарии от произвола епископов. Устав вводил в духовных семинариях коллегиальность в принятии решений и широкое выборное начало. В семинариях избирались: ректор, инспектор, преподаватели, члены правления, библиотекарь, врач, эконом, секретарь правления, почетный блюститель по хозяйственной части.

Яновская Валентина Васильевна. Институт истории НАНБ.

Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, 1.

Восович Сергей Михайлович. Кафедра философии и культурологии Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

Органом внутреннего управления семинарии оставалось правление. Но оно получало совсем другую организацию. Выделялись педагогические и распорядительные собрания правления. В педагогические собрания правления (работали под председательством ректора) входили: инспектор; семь преподавателей, избираемых на общем учительском собрании; три представителя духовенства епархии, избираемые сроком на 6 лет епархиальными съездами и утверждённые епископом. Педагогические собрания правления, в основном, решали учебно-воспитательные вопросы. Для избирания кандидатов на должность ректора, инспектора и членов правления из преподавателей проводились общие педагогические собрания. Общие педагогические собрания состояли из всех преподавателей семинарии, кроме служащих по найму. Распорядительные собрания правления рассматривали экономические вопросы, жалобы и составляли послужные списки служащих семинарии. Распорядительные собрания правления состояли из ректора, инспектора и 3 членов правления (один преподаватель и 2 представителя епархиального духовенства, избираемые на общих собраниях на 3 года). Решения на всех собраниях правления принимались большинством голосов. С целью стимулирования инициативы участников собраний правления, новый устав разрешал созывать экстренные собрания не только по назначению ректора, но и по желанию половины членов правления.

В училищах преподавателям предоставлялось гораздо меньше прав в управлении. Училищные правления, в ведении которых находились как учебно-воспитательные, так и экономические вопросы, состояли только из смотрителя, его помощника, одного учителя (избираемого тем же правлением) и двух членов от духовенства (избираемых на окружном съезде на 3 года и утвержденных епархиальным архиереем). Лишь в исключительных случаях, при обсуждении особо важных вопросов, касающихся учебно-воспитательного процесса, разрешалось принимать участие в работе правления всем преподавателям (с правом совещательного голоса и возможности требовать внесения в журнал их особых мнений). Ограничено было в училищах и выборное начало.

Была изменена система управления духовными учебными заведениями. Упразднилось Духовно-учебное управление. Для обсуждения важнейших учебных вопросов при Св. Синоде создавался Учебный комитет, который занимался исключительно учебно-воспитательными вопросами духовного образования и фактически являлся постоянно действующим совещательным органом при Св. Синоде. Хозяйственные и строительные вопросы были переданы в хозяйственное управление при Св. Синоде. Устав 1867 г. уничтожил деление семинарий по учебным округам и административную власть академий по отношению к семинариям. За академиями оставалось только право рекомендации преподавателей.

Произошли изменения в материальном положении духовно-учебных заведений. Прежнее деление епархий на разряды было отменено. Во всех епархиях вводились единые оклады преподавателям. Все расходы по содержанию училищ, кроме жалования служащим по штату, возлагались на местное духо-

венство. В каждой епархии открывалось такое количество духовных училищ, которое соответствовало местным потребностям. Епархии делились на училищные округа, границы которых определялись епархиальным начальством. Духовенство должно было заботиться об училищах своего округа. Для этого один или два раза в год проводились съезды священнослужителей округа, избираемых для этого по одному от 10 причтов. Съезды изыскивали средства для содержания училищ, избирали членов училищных правлений от духовенства, кандидатов на должность смотрителей и обсуждали состояние учебно-воспитательного процесса в низших духовных учебных заведениях. В случае недостатка местных средств Св. Синод мог оказать материальную помощь. Семинарии, кроме свокоштных учеников, содержались на средства Св. Синода. Сироты и дети бедных родителей, отличающиеся успехами в учении, принимались в семинарии на казённое содержание. Количество казённокоштных вакансий определялось Св. Синодом. По желанию духовенства на местные епархиальные средства могли быть открыты и параллельные классы.

Первоначально планировалось осуществить духовно-учебную реформу в течении 5 лет, начиная с 1867 г. Преобразования учебных заведений должны были осуществляться по епархиям в определённой последовательности [3]. В первую очередь преобразовывались учебные заведения тех епархий, духовенство которых выделяло материальные средства в дополнение к ассигнуемым из духовно-учебного капитала, и в которых двухгодичные курсы находились на середине, чтобы удобно было распределять учеников по классам. Но и в остальных учебных заведениях также осуществлялись некоторые преобразования, не требовавшие дополнительных расходов: семинарии и училища передавались в непосредственное ведение епархиальных архиереев; прекращались прежние отношения с академиями; создавались правления в соответствии с новыми уставами; исключались старые учебные дисциплины, не вошедшие в новые курсы; духовенству предоставлялось право попечения об училищах. В силу разных причин полностью реформа была завершена только к концу 70-х гг. XIX в.

Что касается учебных заведений белорусско-литовских губерний, то их преобразование осуществлялось в начале 70-х гг. В Полоцкой епархии было оставлено два училища (Полоцкое и Витебское). В Литовской епархии в результате нескольких сложных преобразований тоже осталось два училища: Жировичское (переведённое из Кобрин) и Виленское. В 1874/75 уч. году были преобразованы духовные учебные заведения Могилёвской и Минской епархий. Могилёвская епархия была разделена на 4 округа: Мстиславский, Оршанский, Могилёвский, Гомельский. В Минской епархии были оставлены Минское, Пинское, Слуцкое училища. Училища Могилёвской, Полоцкой епархий, в отличие от Литовской, не получали материальной поддержки из духовно-учебного капитала.

За 25 лет, что прошли после реформы, духовные семинарии Литовской, Могилёвской, Минской, Полоцкой епархий подготовили 17 698 человек, в том числе в Литовской – 3492 человек, Минской – 4942, Могилёвской – 4986, Полоцкой – 4278 человек. Духовные училища за это время выпустили 37 038 человек, в том числе в: Литовской епархии – 7302, Минской – 11 525, Могилёвской – 11 922, Полоцкой – 6289 человек [4. с. 180 – 183].

К концу XIX в. практически все священники в белорусско-литовских губерниях имели семинарскую подготовку. Так, если в 1877 г. в Могилёвской епархии из 477 священников духовные семинарии закончили 456 (из них 438 – богословский, 18 – философский курс), то в 1892 г. все священники епархии имели семинарское образование [5].

Но уже в начале 80-х гг. начинаются новые преобразования духовных учебных заведений, отменяющие те демократические начала, которые были привнесены уставами 1867 г. 22 августа 1884 г. были утверждены новые уставы семинарий и духовных училищ [6; 7]. Они отменяли самоуправление и выборное начало в духовно-учебных заведениях. Сокращалось не только число членов семинарского правления, но и изменялся порядок их определения: 3 члена из числа преподавателей назначались самим епархиальным архиереем. Он же назначал и члена училищного правления из числа преподавателей. Уставом духовных семинарий не предусматривались общие педагогические собрания правлений. Епархиальный архиерей имел право давать семинарским правлениям предложения не только для обсуждения, но и для их исполнения.

В семинариях и училищах была изменена учебная программа. Изменялся порядок назначения преподавателей семинарий и духовных училищ. В начале учебного года преподаватели и помощники инспектора семинарий назначались Св. Синодом по представлениям советов духовных академий, а в течении учебного года – обер-прокурором по докладом Учебного комитета. Для того чтобы академии могли рекомендовать своих воспитанников на свободные вакансии в семинарии и духовные училища, все духовные семинарии были распределены между духовными академиями. Литовская, Минская, Могилёвская, Витебская духовные семинарии были подчинены Санкт-Петербургской духовной академии.

Характерным для духовной школы времён Александра III стала мелочная опека, как за поведением воспитанников, так и деятельностью преподавателей. Каждый шаг учителя был строго определён многочисленными циркулярами и инструкциями. Даже записки преподавателей для выдачи книг ученикам из фундаментальной библиотеки контролировались ректором семинарии. Такое недоверие к преподавателям подрывало их авторитет среди учащихся. Устранение большей части преподавателей от участия в руководстве учебно-воспитательным процессом приводило к формальному отношению с их стороны не только к своим обязанностям, но и к самим ученикам. Сухой формализм, чиновничье отношение к делу, царившие в духовной школе, в свою очередь, вызывали у семинаристов отсутствие всяких идеалов. Семинаристы стали рассматривать обучение в семинарии только как средство получения обеспеченного места. Единоличная ответственность ректора за всё происходящее в семинариях приводила к укрывательству ученических проступков и фальсификации официальных отчётов с целью причисления своей семинарии к благополучным.

Религиозные чувства у воспитанников духовных школ пытались воспитать принудительными мерами. В 1883 г. Св. Синод предписал подвергать строгим наказаниям воспитанников, уклоняющихся от богослужения или ведущих себя на них неблагоговейно. В 1887 г. предписывалось подвергать строгим наказаниям тех, кто плохо занимался по церковному пению и чтению. Эта насильственная и принудительная церковность не давала должного эффекта, ибо вызывала у воспитанников совершенно иные чувства. В итоге наиболее антирелигиозно настроенными студентами университетов зачастую были бывшие семинаристы.

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX в. духовное образование переживало глубокий кризис. Семинаристы не получали почти никакого представления о современном обществе. В семинариях не преподавались новейшие произведения русской и национальной литературы, отсутствовала передовая отечественная периодика. Более того, чтение не входящих в программу книг и статей преследовалось и признавалось «заразой». Весь воспитательный процесс был направлен не столько на нравственное развитие воспитанников, сколько на установление внешнего порядка и благона-

дѣжности. Мелочная регламентация распорядка, ежеминутный контроль, лишение воспитанников самостоятельности приводили к подавлению всякой индивидуальности. Ярким свидетельством кризиса духовного образования являются волнения и беспорядки, охватившие семинарии в конце XIX – начале XX в. Причѣм движение семинаристов с начала XX в. приобрело организованный характер.

В 60-е гг. XIX – начале XX в. дальнейшее развитие получили женские православные учебные заведения, которые начали создаваться в Российской империи ещё в 40-е гг. В белорусско-литовских губерниях подобные училища начинают открываться в начале 60-х годов. Толчком послужил «Проект всеподданнейшей записки об учреждении училищ девиц дух. звания в западных губерниях» вице-директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий П. Н. Батюшкова. Автор проекта высказался за открытие училищ девиц духовного звания во всех западных губерниях (исключая Ковенскую) с целью уничтожения «латинской пропаганды», окончательного обращения униатов в православие, укрепление самой православной церкви в данном регионе. Одновременно П. Н. Батюшков представил на рассмотрение императору Александру II проект преобразования Буйничского приюта в Могилѣвское училище, а также проекты устава и штатов планируемого училища. В том же 1859 г. императрица Мария Александровна выразила желание принять Могилѣвское училище под свое покровительство и по её распоряжению началась разработка устава и штата данного учебного заведения.

В 1861 г. по ходатайству литовского митрополита Иосифа (Семашко) было открыто Виленское женское училище девиц духовного звания. Училище было открыто по образцу и уставу Царскосельского училища и принято под покровительство императрицы Марии Александровны. Разместилось оно в зданиях бывшего Кармелитского монастыря, где до этого размещалось уездное духовное училище. Первоначально оно приняло 28 воспитанниц.

В 1860 г. было открыто Паричское училище, созданное помещицей М. Я. Пушиной. До 1873 г. оно оставалось частным, затем перешло в ведение Св. Синода. Частный характер училища обусловил отсутствие устава у данного учебного заведения вплоть до 1876 г. Как и другие, это училище находилось под покровительством императрицы.

Политика русификации, усилившаяся в белорусско-литовских губерниях после восстания 1863-1864 гг., содействовала активизации работ по открытию здесь новых женских училищ. В 1863 г. создаѣтся училище в Могилѣве, 1864 г. - в Полоцке и Минске. Все эти учебные заведения назывались вначале училищами девиц духовного звания. Но после того, как в результате реформы учебных заведений духовного ведомства они стали всесословным, они были переименованы в женские училища духовного ведомства.

О том, какое внимание уделялось воспитанию дочерей православных священников белорусских губерний, говорит тот факт, что из 13 женских училищ духовного ведомства, существовавших в Российской империи, 5 находилось в Беларуси. Ежегодно в них в среднем обучалось: в Полоцком – 113, в Паричском – 105, в Виленском – 87, в Могилѣвском – 85, в Минском – 80 учениц [4, с. 205]. В программу обучения входили: Закон Божий, церковное пение, священная история, учение о богослужении, русский и церковно-славянский языки, чтение, арифметика, чистописание, всеобщая история, русская история, география России, всеобщая география, рисование узоров для вышивания и рукоделие. Учебный курс включал также преподавание начал о физическом воспитании детей, уходе за больными, о лекарственных растениях. Для практического обучения ведению хозяйства при училищах имелись приусадебные участки. В учебных программах не нашлось лишь места для истории и культуры родного края.

Но это было не отличительной, а типичной чертой всех учебных заведений белорусских губерний.

Ревизии, которые проводились время от времени, свидетельствовали, что дела во многих училищах шли неплохо. Так, в 1872/73 учебном году о работе Могилѣвского училища девиц духовного звания говорилось: «В ходе преподавания предметов учителя главным образом беспокоились о том, чтобы воспитанницы с пониманием усваивали материал. По истории, например, кроме пересказа требовали знания хронологических дат, событий. Русский язык, арифметику преподавали таким образом: выполняли практические задания, потом сами выводили правила. По географии требовалось знание карт, чертежей» [8].

Наряду с женскими училищами православного духовного ведомства существовали епархиальные женские училища. Они начали создаваться ещё в 40-е годы, но первоначально больше походили на приюты для сирот, чем на учебные заведения. В 1868 г. был утверждѣн общий устав с программой обучения для этих училищ, который указывал, что епархиальные училища создаются для обучения дочерей православного духовенства (разрешалось принимать и из других сословий при внесении соответствующей платы). Эти училища подчинялись Св. Синоду, но существовали на местные епархиальные средства и добровольные пожертвования. Непосредственное руководство училищами было возложено на епархиальные училищные советы.

Некоторые изменения в руководстве училищами произошли в 1882 г.: было установлено, что все служащие, кроме начальницы, утверждаются в должности епархиальным архиереем. Кандидатуру на должность начальницы утверждал Св. Синод по представлении епархиального архиерея. В программу обучения входили общеобразовательные предметы и ведение домашнего хозяйства. Окончившие училище получали звание домашних учительниц по тем предметам, по которым они имели хорошие оценки, без дополнительных экзаменов. Всего в Российской империи в начале 80-х гг. было создано 49 епархиальных женских училищ, в том числе в белорусско-литовских епархиях – 2 (Виленско-Мариинское в Вильно и Спасо-Ефросиньевское в Полоцке) [9].

Правда, Спасо-Ефросиньевское училище вплоть до начала XX в. оставалось монастырским училищем-приютом по причине несоответствия его учебного курса программам епархиальных учебных заведений. Существовали подобные училища и при некоторых других монастырях Беларуси. К примеру, подобные заведения в 1870 г. были открыты при Вольнянском Троицком и Пинском Варваринском монастырях. Предназначались они преимущественно для дочерей псаломщиков. Консистория рассчитывала, что опытные монахини и послушницы обучат воспитанниц русской и церковно-славянской грамоте, начальной арифметике и рукоделию. При объединении этих монастырей и переводе в г. Минск, училища были ликвидированы. Вместо них при Минском женском монастыре был открыт приют на 12 казѣнных вакансий, преимущественно для сирот [10]. С 1890 г. до начала XX в. существовало трёхклассное училище и при Тадулинском женском Успенском монастыре [11].

Постоянное совершенствование учебного процесса дало возможность преобразовать женские училища из 3-классных в 6-классные. Подобная реорганизация была проведена в Паричском, Могилѣвском, Минском училищах. В начале XX в. Спасо-Ефросиньевское училище стало епархиальным 6-классным учебным заведением. И только Виленское училище до начала второго десятилетия XX в. оставалось трёхклассным.

14 июля 1901 г. Николай II утвердил единый устав, а 23 декабря 1902 г. единый штат для всех женских училищ духовного ведомства, состоящих под покровительством императрицы. До этого времени каждое женское училище духов-

ного ведомства имело свой устав и штат. С принятием данных документов произошла унификация женских училищ духовного ведомства. Устав 1901 г. расширял учебную программу до объема средних учебных заведений. Согласно утвержденному в 1907 г. «Положению о 7 дополнительном педагогическом классе при епархиальных женских училищах» в некоторых из них (Минском, Паричском, Полоцком) был открыт дополнительный педагогический класс. Открытие педагогических классов, образцовых школ при женских училищах наглядно свидетельствует о том, что в начале XX в. постепенно меняется характер деятельности данного типа учебных заведений: от подготовки жён для православных священников они перешли к подготовке учительниц для начальных школ.

Что касается церковных школ, то в рассматриваемый период они пережили в своем развитии несколько этапов. Начало 60-х гг. XIX в. характеризуется количественным ростом церковных школ в Беларуси. Так, в Гродненской губернии к 1863 г. на 304 сельских прихода было открыто 238 школ с 4806 учащимися; в Виленской – 85 школ на 130 сельских церквей, в которых обучалось 1715 мальчиков и 37 девочек. В Минской епархии в 1861 г. насчитывалось 580 школ с 8702 учащимися. В Полоцкой епархии по сведениям епархиального наблюдателя церковные школы существовали во всех православных приходах [12].

Начиная с 1864 г. количество церковных школ в Беларуси начинает уменьшаться. Это объясняется теми процессами, которые происходили в целом в российском обществе. Буржуазные реформы в России затронули все стороны жизни. В народном образовании одним из результатов этого было стремление придать ему светский характер. К началу 80-х гг. только в Могилёвской епархии церковные школы удержали прочные позиции. Здесь осталось 898 школ, в то время как в Минской епархии – 184, Полоцкой – 20. В Литовской епархии (согласно данным на 1883 г.) осталось только 14 церковных школ [4, с.115]. Эти цифры, вероятно, не совсем точны, ибо по другим данным в 1883 г. только в Гродненской губернии (которая входила в то время в состав Литовской епархии) существовало 15 церковно-приходских школ: 1 – в Слонимском уезде, 4 – в Бельском, 8 – в Брестском, 2 – в Кобринском [13]. Тем не менее тенденции процесса они отражают.

К концу 70-х гг. стало очевидным, что духовенство не использует свои права в деле народного образования. Было созвано специальное совещание Комитета министров по обсуждению создавшегося положения. Комитет министров был единодушен: духовного развития народа, что составляет краеугольный камень всего государственного строя нельзя достигнуть без преимущественного участия духовенства в руководстве народными школами. Практическая реализация этой директивы осуществлялась под непосредственным руководством обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева. 22 марта 1881 г. он писал Александру III: «... в области народного просвещения Министерству народного образования необходимо искать главную опору в духовенстве и церкви» [14]. В этом же направлении были разработаны «Правила о церковно-приходских школах» (изданы 13 июня 1884 г.).

Процесс создания церковных школ, начиная с 1884 г., шёл очень интенсивно. За десять лет в Российской империи их было открыто 9 200, на что было израсходовано 7 млн. руб. В 1893 г. действовало около 30 тыс. школ, в которых обучалось 931 335 учеников [4, с. 115, 128]. Наиболее бурно происходил этот процесс в белорусско-литовских губерниях. За 10 лет после принятия новых правил о церковных школах количество их увеличилось: в Литовской епархии почти в 100 раз, в Минской – в 7, Могилёвской – почти в 2, в Полоцкой – в 30 раз [4, с.115].

Согласно новым «Правилам» церковно-приходские школы были одноклассными с двухлетним сроком обучения и двухклассными – с четырёхлетним. Правда, двухклассных

школ было очень мало (всего по Российской империи к началу 90-х гг. около 200) и создавались они с целью подготовки учителей для церковных одноклассных школ и школ грамоты. В 1902 г. было принято новое «Положение о церковно-приходских школах ведомства православного исповедания». В соответствии с ним учительские школы разделялись на второклассные школы (в 1911 г. на территории белорусско-литовских епархий их было 30) и церковно-учительские (2 школы) [15; 16; 17; 18; 19].

Естественно, что рост количества школ вёл за собой рост числа учащихся. За 1883 – 1893 гг. в Российской империи количество обучающихся в церковных школах возросло в 7 раз. В епархиях, которые включали белорусские губернии это число увеличилось следующим образом: Полоцкой – в 36 раз (с 325 до 11 828 человек), Минской – в 9 (с 2 720 до 24 850), Литовской – в 79 (с 374 до 29 813), Могилёвской – в 2 (с 17 876 до 37 293 [4, с. 127, 128]). Как видим, количество учащихся церковных школ в белорусско-литовских губерниях (особенно западных) росло быстрее, чем в других регионах Российской империи.

В 1893 г. все епархии, в состав которых входили белорусские губернии, находились в числе пяти первых по количеству школ в расчете на 100 церквей [9, с. 83]. Наибольшее количество школ духовного ведомства в начале XX в. действовало в Минской епархии – 1806, затем шла Могилёвская – 1714, Гродненская – 1295, Литовская – 940, Полоцкая – 812. Число школ за эти годы по сравнению с 1885 г. увеличилось: в Минской и Могилёвской епархиях почти в 2 раза, в Гродненской и Литовской (вместе) – почти в 3 раза, в Полоцкой – более чем в 10 раз. Сложившаяся ситуация в Полоцкой епархии объясняется как инертностью духовенства данной епархии, так и не столь жесткой позицией епархиального начальства в церковно-школьном деле до середины 80-х г. XIX в.

И ещё одна особенность. Во всех епархиях, в состав которых входили белорусско-литовские губернии, преобладали, и довольно значительно, школы грамоты. Преимущественный рост этих школ в сравнении с церковно-приходскими школами объясняется тем, что царское правительство уделяло незначительное внимание и средства на народное образование в крае. Самым же крестьянам по причине их бедности было трудно содержать школы. Не хватало средств и у сельских священников. Надо учитывать и тот факт, что сельское население белорусских губерний проживало в небольших поселениях, которые к тому же находились на значительном расстоянии друг от друга. Поэтому небольшие школы грамоты, которые не требовали от крестьян больших денежных затрат, воспринимались ими лучше. Духовенство же руководствовалось тем, что в условиях сплошной неграмотности белорусского крестьянства всякая школа, даже плохо устроенная, уже шаг вперед.

Средства, на которые содержались церковные школы, состояли из следующих поступлений: помощь от приходских попечительств, пожертвования от богатых верующих, поступления от церковных доходов («там, где была такая возможность») с разрешения епископа, помощь властей и «по-сильные, добровольные и совсем незатруднительные поступления от родителей учащихся».

Что касается поступлений из казны, то более-менее соответствующие суммы начали отпускаться на церковные школы только во второй половине 90-х годов. В 1896 г. было отпущено 3,3 млн. руб., в 1897 – на 1,5 млн. руб. больше, в 1899 г. – около 7 млн. руб. (это на всю огромную Российскую империю). Какая часть из них направлялась в белорусско-литовские губернии, неизвестно. Но сам факт создания здесь

преимущественно школ грамоты утверждает, что было этих средств явно недостаточно.

В начале XX ст. возрастают требования к образованию со стороны населения. Но школы грамоты даже в начале XX в. не имели строго определенных программ, специальных учебников для обучения грамоте. Они не давали никаких льгот и свидетельств. Это побуждало крестьян закрывать школы грамоты. В создавшейся ситуации, чтобы сохранить школы православного ведомства, деятели церковного образования вынуждены были приложить усилия по улучшению материального быта школ, их учебно-воспитательного процесса. В результате предпринимаемых усилий удалось к концу первого десятилетия XX в. добиться выравнивания церковно-приходских школ с одностипными школами других ведомств по программам, методам, срокам и результатам обучения. Об этом свидетельствует включение накануне первой мировой войны сельских церковно-приходских школ в общегубернские школьные сети всеобщего обучения.

СПИСОК ИСПОЛЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Устав православных духовных семинарий // Странник. – 1867. – год 8, т.3. – с. 52 – 78.
2. Устав духовных училищ // Литовские епархиальные ведомости. – 1867. – № 12. – с. 506 – 516, № 13. – с. 559-565..
3. Титлимов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии (Протасовская эпоха и реформы 60-ых годов). – Выпуск второй. – Вильна, 1909. – с. 291.
4. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840 – 1841 по 1890– 1891 гг. – С.-Петербург, 1897.
5. РГИА в С.-Петербурге. – ф. 796. – оп. 440. – д. 27. – л. 10, 11, 59.

УДК 413+43+481

Кальчук Т.А.

СЕМАНТИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ГЕРМАНИЗМОВ С ИХ НЕМЕЦКИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ

Слова, входящие в словарный фонд любого языка, не существуют в нем изолированно, а вступают в определенные отношения между собой и образуют лексическую систему данного языка. Под системой в лингвистике понимают «внутренне организованную совокупность элементов (единиц) языка, связанных устойчивыми (инвариантными) отношениями» [1, с.412]. Подход к изучению явлений языка как элементов сложной системы выработался в современном языкознании в начале 20 века. Осмысление языка как системы мы находим у Ф.де Соссюра, который разработал учение о языке как системе знаков, обладающих значимостью лишь в своих противопоставлениях [2, с.3], и определил, что между элементами языка устанавливаются отношения двоякого порядка: парадигматические (ассоциативные) и синтагматические. Парадигматические связи обнаруживаются в определенных лексико-семантических объединениях, а синтагматические – в словосочетаниях и предложениях. Системный характер языка проявляется на всех его уровнях: в фонетике, грамматике, лексике, словообразовании и др.

Изучение лексики как системы сегодня не подлежит сомнению, о чем свидетельствуют работы В.В.Виноградова, А.А.Уфимцевой, Э.М.Медниковой, Д.Н.Шмелева, Ю.Н.Караулова, Ф.П.Филина, В.М.Солнцева и других лингвистов.

Выявление семантических связей между словами лекси-

Кальчук Татьяна Алексеевна. Ст. преподаватель каф. немецкого языка с методикой преподавания Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

6. Устав православных духовных семинарий // Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 41. – с. 347 – 349, № 42. – с. 355-357; № 43. – с. 363-366; № 44 – 45. – с. 371 – 373.
7. Устав духовных училищ // Литовские епархиальные ведомости. – 1884. – № 46. – с. 387 – 390; № 47. – с. 396-399.
8. РГИА в С.-Петербурге. – ф.802. – оп. 15. – д. 2. – л. 48.
9. РГИА в С.-Петербурге. – ф. 802. – оп. 16. – д. 153. – л. 4.
10. Рункевич С.Г. Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 – 13 апреля 1893). – Минск, 1893. – с. 59.
11. Национальный исторический архив Беларуси – ф.3104. – оп.1 – д.7.– л. 11, 31.
12. Белецкий А.В. Краткий исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа с 1803 по 1869 г. Вильна, 1903. – с. 56.
13. Корчинский Иоанн. Очерки церковно-школьного дела в Гродненской губернии в XIX ст. Гродно, 1903. – с. 18.
14. Русское православие: веки истории. М., 1989. – с. 366.
15. РГИА в С.-Петербурге. – ф. 803. – оп. 16. – д. 982. – л. 80 об.-81.
16. РГИА в С.-Петербурге. – ф. 803. – оп. 16. – д. 356. – л. 330 об. – 331.
17. РГИА в С.-Петербурге. – ф. 803. – оп. 16. – д. 1013. – л. 97 об. – 98.
18. РГИА в С.-Петербурге. – ф. 803. – оп. 16. – д. 1547. – л. 91 об. – 92.
19. РГИА в С.-Петербурге. – ф. 803. – оп. 16. – д. 939. – л. 46 об. – 48.

ческой системы, так или иначе, приводит к классификации словарного состава. В зависимости от преобладающего типа отношений между словами выделяются лексические группировки, в основе объединения которых лежит разноуровневая общность: этимологическая, семантическая, синтаксическая и прочая. В итоге в лингвистике исследуются различные совокупности слов: системы, подсистемы, поля, категории, разряды, классы, множества, группы, гнезда, цепочки и другие группировки слов и т.д. Но не все перечисленные лексические микросистемы получили в лингвистике широкое распространение. Наиболее часто выделяются семантические поля, лексико-семантические группы, тематические группы, синонимические ряды, антонимические пары. Лингвистическая наука не представила пока ни четкого определения лексических микросистем, ни универсальных критериев выделения субпризнака, если выделение такого вообще возможно, а это приводит к тому, что очень часто одни и те же группировки слов обозначаются разными терминами или объединяют разнородные единицы. Так, Ф.П.Филин для обозначения лексических группировок, единицы которых имеют «близкие (в том числе противопоставленные – антонимы) и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными признаками (синонимы)» [3, с.225] использует термин лексико-семантическая группа (ЛСГ). К ЛСГ, по мнению Ф.П.Филина, относятся синонимические ряды, антонимические пары, лек-